
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

*С.Ю. Митрофанова****«МОЛОДОСТЬ – ЭТО ВЕНОК НА ГОЛОВЕ ИЗ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ»¹:
ТОЧКИ ОТСЧЕТА И КОНСТРУКТЫ СОВЕТСКОЙ МОЛОДОСТИ**

В данной статье рассматривается вопрос конструирования молодости информантами разных поколений в советском обществе, выделяются точки отсчета и конструкты советской молодости на основе анализа текстов биографических интервью. Методологической основой данной работы послужил конструктивистское направление П. Бергера и Т. Лукмана, а также идеи социального времени Э. Гидденса и В.И. Ильина, позволяющие обозначить сам механизм конструирования молодости через точки ее отсчета. Ярко звучат в текстах интервью такие точки, как осознание ответственности и самостоятельности, создание семьи, смерть родственника, начало трудовой карьеры и первые самостоятельные заработки, переезды. В качестве точек отсчета молодости назывались также приобретение огорода, получение спортивного разряда, значимые для информанта даты. Выявлены точки отсчета, которые являются «эликсиром» молодости. Сужение или расширение границ молодости по «точкам» выводит на определенные конструкты молодости. Были выделены конструкты «отсутствующей», «усеченной», «продолженной», «вернувшейся» молодости, молодости как периода «решения», как «золотого времени», как активности в спорте, пионерии, комсомоле, стройбригадах и вместе с тем молодости как «развиздьяства», как «sex, drugs, rock and roll».

Ключевые слова: молодость, точки отсчета, конструкты молодости.

В 2010 г. в рамках проекта «Межрегиональный ресурсный центр молодежных исследований» (грант □ 03-73073-000-GSS), который поддержан фондом Дж. и К. МакАртуров, научно-исследовательским центром «Регион» (г. Ульяновск), было организовано и проведено исследование социологами из разных городов России, посвященное изучению

* © Митрофанова С.Ю., 2014

Митрофанова Светлана Юрьевна (mit_s@mail.ru), кафедра социологии и политологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

¹ Цитата из интервью (мужчина, 1940 лет, неоконченное высшее образование, г. Саратов).

опыта проживания молодости в советское время на основе метода глубинного биографического интервью. Данная статья основана на анализе 97 текстов интервью информантов из Москвы (11), Санкт-Петербурга (11), Ижевска (18), Казани (12), Саратова (17), Самары (14), Ульяновска (14), чья молодость пришлась на разные годы советской власти.

Вопрос конструирования молодости для социологии молодежи не является новым. Не так давно ученые пытались дать точные определения молодости, установить ее вполне определенные возрастные границы, охарактеризовать место молодежи как некой однородной социально-демографической группы в социальной структуре общества, объяснить положение молодых в системе поколений, доказывая маргинальность их статуса. Однако сегодня происходит понимание того, что молодость в принципе сложно уловима, невидима в своей повседневности, разнообразна с позиции привлечения жизненно-стилевых ресурсов, размыта с точки зрения выявления ее возрастных границ, и в принципе идет отказ от социально- и биополитических конструкций, связанных с проблематизацией и унификацией пространства молодости, характерных для периода становления социологии молодежи.

Проекция конструктивистских идей на исследование молодости в советское время позволяет по-новому взглянуть на молодость той эпохи. Конечно, молодежь и тогда была очень разной. Молодые по-разному вписывались в официальные дискурсы, по-разному их интерпретировали, находили разные возможности привлечения ресурсов для определения и выделения себя из общей массы, тем самым выходя за рамки официальной идеологии и не всегда сами это осознавая. И вместе с тем специфика конструирования молодости в разные периоды советского времени на основе эмпирического, а не теоретико-идеологического материала в социологической литературе не представлена. Однако необходимо отметить, что политико-идеологические и теоретические конструкты молодежи в СССР на основе анализа вторичных источников, прежде всего документов тех времен, достаточно подробно рассмотрены в части первой: «Молодежный вопрос в России: от революции до конца тысячелетия» книге Е.Л. Омельченко [1, с. 24–40]. В работе выделяются, в частности, революционный конструкт молодости, молодежь как строители коммунизма, молодежь как символ светлого будущего, социалистическая молодежь. В данной же статье акцент ставится на исследовании процесса формирования конструктов на основе анализа повседневного жизненного опыта советских молодых людей, что внесет большую ясность в конструкты молодости той эпохи.

Методологической основой данной работы является конструктивистское направление социологии, связываемое прежде всего с идеями П. Бергера и Т. Лукмана [2]. Социальный мир – это сконструированная человеком реальность, содержащая в себе повседневные практики индивидов, а также конструкты, контролируемые и направляющие эти практики, но возникающие на основе их хабитуализации. Особое внимание здесь уделяется самим технологиям формирования тех или иных конструктов. Важно выявить не только сами конструкты как что-то данное, значимым является анализ процесса формирования этих конструктов. Распространение данного подхода на понимание молодости приводит нас к тому, что пространство молодости есть результат социального конструирования, содержащее практики и конструкты, в основе которых находятся определенные механизмы их формирования, а конструкт молодости, в свою очередь, – это устойчивое целостное представление о молодости.

Поскольку молодость – конструкция, имеющая отношение к темпоральности, дополним подход П. Бергера и Т. Лукмана идеей социального времени Э. Гидденса и В.И. Ильина, позволяющей обозначить механизм ее конструирования. Согласно В.И. Ильину, структура социального времени – это наполненная культурным содержанием социальная конструкция, определяющаяся выбором точек отсчета, которые зависят от представлений конструкторов о важности событий [3, с. 60]. В разных системах координат будут разли-

чаться как точки отсчета, так и само содержание и плотность социального времени, а значит, и конструкции в отношении этого времени. Э. Гидденс выделяет три измерения темпоральности: 1) протяженность повседневного (обыденного) опыта; 2) отрезок жизни индивида; 3) длительная протяженность институтов [4, с. 82].

С точки зрения цели данного исследования важно прежде всего второе измерение, где акцент ставится на самом «отрезке» молодости и на понимании того, как происходит его выделение в системе жизненного пути личности и ее индивидуального развития. Хотя, конечно, все указанные уровни темпоральности взаимосвязаны и значимы для анализа. Так, истолкование человеком точек отсчета молодости с позиции повседневности, с позиции конкретных событий дает нам понимание его конструкции молодости на уровне его жизни, а соотнесение конструкций молодости людей разных возрастных групп позволит увидеть специфику конструкторов молодости того или иного исторического периода в развитии советского общества.

Таким образом, исследовательский интерес направлен на поиск самих конструкторов молодости, а также на выявление точек отсчета советской молодости и их понимание самим человеком в качестве механизма конструирования его молодости.

В текстах интервью встречаются разные и порой противоречивые представления о молодости, что несколько усложняет, но в то же время делает особенно интересным процесс ее выявления. Такие представления связаны могут быть с тем, что информанты расставляют разные акценты в интервью, определяя молодость. Человек повествует о наиболее значимых именно для него моментах, что не обязательно вписывается в некий «общий стандарт» представлений о молодости.

И.: Скажите, вот вы ничего не сказали о молодости, как вы думаете, а вообще на какие годы она должна была прийти?

Инф.: Молодость?

И.: Ну да.

Инф.: Ну, школьные годы.

И.: Школьные годы – молодость?

Инф.: Да! Ну, как только семья образовалась, это уже я считал себя зрелым мужчиной. Хотя мне был 21 год (Самара, м, в. о., 1949).

По ходу интервью информанты так же могли реконструировать свою молодость, меняя мнение о точках отсчета молодости: возрастных границах, событиях своей молодости, служащих маркерами ее границ, что также делает молодость трудно ощутимой. Так, в начале интервью информантка называла одни возрастные границы: «Ну, может быть, запоздалая молодость для кого-то, но у меня она после 20-ти. Потому что до... ну до 19-ти, скажем, лет у меня все какое-то затянутае детство, скажем, было. ...Ну... лет... до 23-х, наверное, точно. Ну, то есть, скажем прямо, до рождения ребенка. И даже заведя семью, первые наверно лет 10, до 30-ти где-нибудь там 2-3-х, я считаю, что это все была молодость, молодость и молодость». Однако уже в середине интервью, более глубоко погружаясь в тему, рассказывая о семье, информантка вновь возвращается к точке отсчета, переосмысливая рубеж детства и молодости, она пересматривает нижнюю границу, повышая ее еще раз: «Бабушка потом умерла, было очень тяжело. Кстати, вот уже мне было лет 25, и вдруг я первый раз в жизни почувствовала, что все, детство кончилось, вот, кстати, о детстве, о молодости и так далее. ...С сестрой двоюродной на похороны едем, и я ловлю себя на мысли, у меня уже дочери 5 лет, в то время, почти 5, ну четыре, может быть, и я ловлю себя на мысли, что у меня вот только что кончилось детство» (Самара, ж, в. о., 1950).

Сложности поиска конструкторов молодости также связаны с тем, что более рефлексивные информанты накладывали на пережитый опыт современные дискурсивные представления о молодости, критически их переосмысливали и уже с этих позиций пытались анализировать свою молодость. «Человек может быть молодым и в 60 лет, и в 70. Поэтому лишь бы он был активный. Я так считаю, по крайней мере. Говорят, что молодость заканчивается в 35, слышал по телевизору, странно так, 35 – так, а 36 – ты уже немолодой,

мне кажется, что это неправильно... наверно, в 35 я как-то прошел мимо того, хотя я тоже говорил, с одной стороны, молодость закончилась, когда я женился. Но это не совсем так, конечно. Просто наступила зрелость, молодость не закончилась. Мне кажется, что это понятия такие расплывчатые очень» (Самара, м, в. о., 1949).

Неоднозначные представления о молодости, возможно, связаны со спецификой проведения интервью. Один из вопросов, с которым мы столкнулись во время самой процедуры опроса, состоял в том, что далеко не все информанты выделяли собственно молодость. Дело в том, что при проведении интервью исследовательской группой осознанно было решено отказаться от употребления понятия «молодость» в первых вопросах бланка интервью, чтобы не навязывать информанту наше представление о молодости. Молодость – это конструкт, который создает сам человек для себя, и только из того, как он будет определять молодость, и будет строиться дальнейший ход интервью с ним. Информант сам должен определить границы молодости, сформулировать, что для него значит молодость. Для нас важно то, насколько осмысленно человек говорит об этом времени, важно понять его обыденную жизнь, его повседневный жизненный опыт, который привел его к определенному пониманию своей молодости. Вместе с тем по ходу интервью были уточняющие вопросы тем людям, которые не обозначили молодость, ее точки отсчета, и ответы на них проясняли понимание человеком данной ситуации. Среди тех, кто не выделяли молодость, представлены информанты всех поколений. Но если среди более старших возрастных групп опрошенных молодость не выделялась, то прежде всего в силу того, что ее «не было», то более молодые – затруднялись в силу того, что она у них еще «не закончилась».

Из рассказов информантов выделить точный «интервал»: нижнюю и верхнюю границы советской молодости – не представляется возможным. Так, например, для одних молодость закончилась в школе, для других началась только в институте, а у третьих могла вообще отсутствовать. На основе анализа текстов интервью можно лишь попытаться уловить тенденцию в изменении возрастных границ молодости в разные периоды советского времени и, что более важно, обозначить определенные «точки» или «узловые моменты» молодости, по которым определяются эти границы. Показательными являются, таким образом, сами «точки отсчета» жизни, выступающие маркерами границ молодости. У каждого информанта свое представление о них, и здесь важен смысл, которым они наделяют эти точки. Конечно, одна и та же точка отсчета для одного человека может служить маркером началом молодости, а для другого или этого же, но в другом нарративе – маркером ее окончания. Однако понимание тенденции в изменении границ и их маркеров позволит выйти на конструкты молодости, которые характерны для определенных поколений советской молодежи.

Границы молодости определяются по значимым для информантов событиям, моментам их жизни, причем они очень разнообразны, и здесь есть некоторые сложности в их определении. Один информант указывает не всегда одну, а сразу несколько точек отсчета, отражающих разные жизненные вектора его индивидуального развития. Эти точки не всегда четко обозначены, опрашиваемые затрудняются в их определении, размышляют, пытаются выявить их значимость для себя. Причем чем более рефлексивные информанты, а это, как правило, люди с высшим образованием, чья молодость пришлась на последние годы советской власти, тем более неопределенны и размыты для них эти точки. Ярko звучат в текстах интервью такие точки, как собственное осознание ответственности и самостоятельности, создание семьи, смерть родственника, начало трудовой карьеры и первые самостоятельные заработки, переезды. Одна из информанток отметила в качестве нижней границы «ощущение мужского внимания», причем не сверстников, а более взрослых по возрасту парней – «салаг» (Ижевск, ж, в. о., 1940). Оценка мнения окружающих как точка, по которой конструируется молодость, представлена в текстах интервью и в качестве определения верхней ее границы.

И.: Вот на какие годы должна была прийти твоя молодость?

Инф.: (молчание) Ну, молодость у меня кончилась на позапрошлой неделе вообще-то!

Инф.: Я клиентов обслужил, все нормально, там был мужик, лет 35. Ну, вообще я его считаю своим, как бы ровесником, хотя так-то мне уже 47, но потом он мне в конце сказал: «Спасибо, отец», –(смех) у меня аж ноги отнялись (Саратов, м, 1949).

В качестве точек отсчета молодости выступают также и такие маркеры, как приобретение огорода, получение спортивного разряда, даты и другие. В некоторых текстах интервью важна не столько верхняя, сколько нижняя граница молодости, ей придается особый смысл, она наделяется особым значением, это своего рода рубеж, который нужно «взять». Так, например, один из информантов, отвечая на вопрос о нижней границе молодости, рассказывает о ситуации, как он, когда ему было 14 лет, с другом купили и выпили бутылку коньяка, причем «провернули» все это так, чтобы родители ничего не заметили (Саратов, м, в. о., 1945). Для информанта данный случай – это своего рода обряд инициации, некий ритуал перехода в другой возраст жизни и другой статус, причем значимой оказывается не столько покупка, как ясно из интервью, сколько сама возможность ее совершения, некий символический маркер, отделяющий пространство молодости от детства.

Сужение или расширение границ молодости по «точкам» выводит нас на определенные конструкты молодости. Так, в системе жизненного пути этап молодости выделяется наряду с такими периодами жизни, как, например, «детство», «учеба», «работа», «семейная жизнь», «замужество» для женщин или «армия» для мужчин. Информанты при этом иногда пропускают какие-то этапы жизни, например, не упоминают детство и очень часто сочетают в одной плоскости как сами «точки отсчета», так и разные линии жизненной траектории. Например, последовательно выделяют учебу, замужество, семейную жизнь или детство, учебу и т. д. Это может быть связано с акцентами, со значимыми именно для информанта временными конструктами, которые он/она выстраивают в некую последовательность своей жизни. Возможно, и поэтому в том числе он/она могли не выделять саму молодость, но при этом, по сути, рассказывать именно о ней. Например, упоминают об учебе, компаниях, поездках и т. д., и далее уточняющие вопросы информантам этот факт либо подтверждали, и информанты связывали свою молодость с этими событиями своей жизни либо, наоборот, опровергали. И тогда выходим на какое-то иное понимание молодости самим информантом.

И.: ... вот вы не выделили отдельно период молодости, то есть, как вы думаете, на какие годы он приходился, когда вы чувствовали себя молодым?

Инф.: ... в принципе полноценная молодость была в институте, потому что, пока я учился в школе и медресе, там денег не было (Ижевск, м, в. о., 1951).

Когда границы молодости сужаются, получаем конструкт «усеченной молодости»: «Молодость есть... Она быстро проходящая» (Самара, ж, ср. сп., 1973), или вообще конструкт «отсутствующей» молодости. Информант здесь рассказывает о тех случаях, событиях его жизни, которые «заставили» его/ее «рано повзрослеть», и сама молодость скорее связана с детскими годами жизни, если она в принципе выделена информантом.

И.: Николай Николаевич, а молодость? Она когда должна была быть? Она была?

Инф.: Ну, по сути дела, молодость, у меня ее и не было. Вот исполнилось мне 15 лет, вот ушел я туда на фронт, как говорят, в школу юнгов, а школа юнгов, она от линии фронта – от передовой – 50 километров была всего навсего. Там самолеты летали через остров наш и, в общем, это самое, мины ловили. Прочее и прочее. Ну и, это самое, ну и службу несли в обнимку с этими... с карабинами. То есть у каждого карабин у нас был, ну, и по сути дела, кроме нас, все эти острова брошенные были, а северный флот действующий (Саратов, м, в. о., 1982).

Таким образом, отсутствующая молодость характерна в первую очередь для тех информантов, чья молодость пришлась на военные и послевоенные годы. Но вместе с тем ее также можно увидеть и у более молодых по возрасту информантов, столкнув-

шихся с какими-то тяжелыми жизненными обстоятельствами в ранние годы своей жизни. Чаще всего такие сложные ситуации связаны с проживанием в бедности, с отсутствием в семье «кормильца», что для военных и послевоенных лет скорее норма, чем исключение. Вместе с тем «отсутствующую» молодость обнаруживаем и там, где информанты не сталкивались с тяжелым жизненным опытом, а говорят о том, что в их молодости ничего не происходило: *«Даже грустно стало. Ничего интересного. Нечего вспомнить»* (Ижевск, ж, ср., 1956). То есть молодости нет, потому что в этот период жизни ничего не случилось, или она отсутствует, поскольку информант не помнит о ней: *«А свою молодость я не шибко помню»* (Самара, м, в. о., 1983), или ее нет, так как в «глобальном» масштабе молодость присоединяется к другому этапу жизни, например детству.

Однако в транскриптах интервью видим скорее не сужение границ молодости, а расширение, когда информанты отмечают, что у них «молодость еще не закончилась».

И.: Вот объясните, пожалуйста, почему считаете, что она (молодость) не закончилась?

Инф.: *Вы знаете, что вот ноги уже болят, видно, старые там травмы и все такое, а если глаза блестят и еще куда то смотрят и еще шея поворачивается – это молодость еще не закончилась* (Самара, м, в. о., 1963).

Очень часто встречались конструкты: «продолженная молодость», «вторая молодость» или «другая молодость», находим даже, по сути, и «третью молодость». Само появление этого терминологического ряда в текстах многих интервью – яркий пример переосмысления своей молодости и других этапов жизни, их содержания и возрастных границ под современный дискурс молодости. Молодости как активности, как позитивной жизненной энергии, которые напрямую не зависят от возраста самого тела, и молодость – это скорее характеристика современной «успешной» жизни. Определенный интерес здесь представляет не столько содержание «другой молодости», сколько ее символические маркеры. Важно понять, что выступает в роли своего рода «эликсира» молодости, что, из «первой», «настоящей» молодости переносится во «вторую», «третью» молодость и тем самым расширяет границы молодости. Эликсиром молодости может быть и сохранение хорошей физической формы, и освоение компьютера, и откладывание на более позднее время жизни создание семьи, и получение дополнительного образования, и рождение ребенка в уже более зрелом возрасте, и стремление к общению с более молодыми по возрасту людьми. Однако если создание семьи, рождение первенца, очень часто связывались информантами с приобретением ответственности за членов семьи, а не только за себя, и рассматривались как маркеры окончания молодости, то эти же «точки» в некоторых текстах интервью этими же информантами потом начинают рассматриваться как способы продления или даже возвращения в молодость. Например, когда один из информантов отметил, что он снова молодой папа (Ижевск, м, ср. сп., 1942). Наличие таких ситуаций в текстах интервью позволяет сделать два заключения. Во-первых, точкам отсчета одними и теми же информантами может придаваться разное символическое значение в зависимости от конкретной ситуации и времени, о которых идет речь в тех или иных отрывках интервью. Так происходит «вытаскивание» информантом наиболее выгодной и удобной для него идентичности в процессе интервью. Возможно, это связано с тем, что человек хочет выглядеть более привлекательно, «статусно» в глазах интервьюера. Во-вторых, само пространство молодости прерывисто, может исчезать, затем появляться вновь, может сосуществовать параллельно с другими пространствами, например со зрелостью, детством или юностью. Это выводит автора не только на конструкт «продолженной молодости», но и на конструкт «вернувшейся» молодости.

Определение молодости не всегда связано с системой жизненного пути личности, иногда сами информанты выделяют и другие системы координат в определении молодости и ее точек отсчета.

В текстах интервью звучит конструкт молодости как «золотого времени». Это особое состояние души, это особое ощущение времени. «Супер, а не жизнь. То есть для меня это было лучшее, скажем так», «Ну, время-то как раз было самое золотое, так вот совпало. Кто у нас там был? Брежнев. Все тихо, спокойно, мирное существование, никаких внешних угроз, то есть не ощущается. То есть стабильность, то что называют застой» (Самара, м, в. о., 1960). В этом случае наблюдаем двойную идеализацию: идеализируется как советское время 60–70-х годов — «... ну, стабильность была, тогда я жил в лучшей стране в мире» (Саратов, м, 1969), так и сама молодость — «у нас было все доступно». Скорее всего, такая конструкция молодости может быть напрямую связана не только с реалиями советского времени тех лет, хотя, конечно, и с ними. Но значимым можно считать и существующие в то время официальные дискурсы, транслируемые из поколения в поколение до сих пор о жизни в Советском Союзе. Подобную идеализацию и ее трансляцию можно объяснить также избирательностью человеческой памяти, в частности, таким ее свойством, как «стирание» всего «плохого», нормализация трудных моментов жизни и акцентуация на позитиве. Как следствие, происходит неизбежная мифологизация всего прошлого, в том числе и молодости советской эпохи, поскольку разговор в интервью идет о ней и на этой основе ей придается характер «золотого века».

Наиболее ярко официальные дискурсы молодости советской эпохи воплотились в представлениях информантов о молодости как об активности в пионерии, комсомоле, стройбригадах. Строки из песни: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!» — одно из типичных проявлений властного дискурса того времени. Однако, в отличие от этого тезиса, в текстах интервью не столько комсомол определяется через молодость, сколько сама молодость конструируется через комсомол.

И.: А вот вы сказали школа — молодость, ...

Инф.: Ну, школа, это пионерия, комсомол, я был комсомольцем, и всем это нравилось. Комсомольский штаб «Жигули», я там даже принимал участия всякие организаторские, там проекты проводили мы в городе. Встречи там и с ветеранами там, патриотическое движение очень развито было у нас. У нас было все прекрасно. И взаимопонимание было и со взрослыми, и друг с другом (Самара, м, в. о., 1949).

Причем в данном примере на конструкт молодости как активности в комсомоле накладывается конструкт молодости как «золотого времени», когда все «было прекрасно». Однако вместе с этими «позитивно-идеологическими» конструктами в текстах интервью причудливым образом сочетается и, можно сказать, совершенно противоположный по смыслу конструкт «отсутствующей молодости» как периода низкого качества жизни, причем не только именно молодой индивидуальной жизни конкретного человека, но и советского общества в целом.

Достаточно значим конструкт молодости как индивидуального выбора, свободы и мобильности. Молодость здесь есть «решение», когда информант сталкивается с внутренними проблемами (например, «поиск» себя) и/или «внешними» требованиями (например, поступать в учебное заведение, жениться, выходить замуж). «Все, что о молодости можно сказать — это вечные внутренние проблемы, решение» (Ижевск, м, ср. сп., 1942). Человек в рамках данного конструкта молодости обречен на выбор, свободу и мобильность. Мобильность представлена в советской молодости во всех ее проявлениях: как «легкости на подъем» в общении, передвижении, обучении. Свобода понимается информантами как ответственность (или безответственность) только за себя, и границей, отделяющей этот конструкт от других, очень часто выступает создание семьи, где, по мнению информантов, «заканчиваются» свобода, мобильность и выбор, да и вообще завершается молодость.

Специфика молодости советской эпохи ярко представлена в конструкте молодости как активности в спорте. Причем это не только профессиональный спорт, но и повседневная физическая нагрузка. Этот конструкт значим для информантов различных поколений советской молодежи. Опрошенные отмечают, что занятия спортом, прежде всего через

систему государственных спортивных школ, направили их активность в социально приемлемое русло и помогли избежать «неправильных» жизненных дорог.

В отношении будущего встречаем два противоположных по смыслу конструкта. С одной стороны, молодость – это время надежд, это ориентир на «светлое» будущее.

И.: Что, в твоём понятии, молодость?

Р.: Молодость?

И.: Как ты ее определяешь для себя?

Р.: Ну, это, конечно не возраст, однозначно. Штапами говорить, что, типа, состояние души, это как-то неопределенно. Не предельное – это не очень. Можно попробовать так сказать, это, наверное, отношение человека к остатку своей жизни, пока человеку кажется, что у него вся жизнь впереди, он молодой» (Ижевск, м, в. о., 1940).

Но, с другой стороны, советская молодость с позиции сегодняшнего дня уже не совсем молодыми по возрасту информантами конструируется по многим направлениям как оппозиция по отношению к современной молодежи. С точки зрения целостного восприятия текстов интервью это скорее некие «мифы», которые не всегда соответствуют реальным практикам этих информантов, но все же они звучат в интервью и касаются особенностей потребления в советское время (раньше акцент на духовном развитии человека, а теперь – на материальном), обучения (раньше можно было бесплатно поступить в институт даже из сельской местности и вообще уровень знаний школьников был выше), сексуальных практик (раньше все было гораздо скромнее, половой распущенности не было), специфики общения (раньше больше доверяли, ничего не скрывали друг от друга) и других направлений. Здесь можно заметить, что современная молодежь во временном аспекте по отношению к советской молодежи – это будущее. Так, оценка своего будущего идет со знаком «плюс», а современная молодость по отношению к советской – со знаком «минус».

В текстах интервью встретили также и такие конструкты. Молодость – это возможность приносить пользу другим людям, это необходимость кому-то. Этот конструкт можно рассматривать в рамках конструкта «продолженной» молодости, он прозвучал в интервью старших по возрасту информантов. Можно предположить, что по мере взросления люди ищут каждый раз все новые и новых точки отсчета молодости, расширяющие ее границы, что, скорее всего, связано с их желанием всю жизнь «оставаться молодыми». Интересен конструкт молодости как «развиздьяства», который также строится в логике «продолженной молодости», однако здесь есть своя специфика, связанная с особенностями общества потребления: *«Обслуживающая сфера очень высока, и она многое сделает за человека. Вот. У них, поэтому это развиздьяство сильно», «...вот раньше, раз уж говорим об этом, очень много экономил, очень много всего экономил. Да, сэкономили. Значит, сейчас осознаю, что не обязательно экономить. Вот. Что это время можно потратить на другие вещи. Не всегда производительные. Вот. А все, что раньше-то экономил, как бы не надо было на это затрачивать деньги, ты сейчас можешь на это просто потратить еще одни деньги какие-то лишние, которые потом можешь заработать где-то вот по-другому. ... Есть два, два таких слова «нужно» и «удобно». Вот. Очень часто сейчас у нас есть то, что удобно, а не то, что нужно. Вот, раньше на это, конечно, больше обращалось внимания. Сейчас, вот... Отсюда и развиздьяство это появляется часто»* (Ижевск, м, в. о., 1940).

Также молодость – это и разгульная жизнь.

И.: ... Вот если возвращаться к молодости, да, то есть это вы закончили школу, фактически это была середина войны?

Р.: Это был 43-й год!

И.: 43-й год. Как в это время жили молодые люди?

Р.: Да как все студенты!

И.: Ну это как?

Р.: *(смеется)* Девочки, карты, вино, это помимо основной работы, учебы и общественной работы, все было, все было, как положено... (Самара, м, в. о., 1983).

Внутри этого же понимания молодости можно выделить ее частный конструкт как веселой и активной жизни, связанной с увлечением роком: молодость — это «sex, drugs, rock and roll» (Саратов, м, в.о., 1945). Важно то, что такие прочтения молодости как «разгульной жизни» представлены в текстах интервью в разные периоды советской истории, благодаря и/или несмотря на и даже вопреки различным сложным обстоятельствам и самому времени, на которое пришлась молодость.

В данной работе представлены конструкты, встречающиеся в текстах интервью. Вместе с тем в разных социальных группах существовали разные конструкты молодости, что связано со спецификой принадлежности информанта к определенным группам по возрасту, полу, образованию, территории проживания, его/ее социального происхождения и социально-экономических условий жизни семьи и советского общества в целом. Например, более склонны не только к рассказу о своей молодости, но и ее анализу, как правило, более молодые информанты с высшим образованием. Серьезных различий в конструктах молодости в зависимости от территории проживания выявлено не было. Однако на уровне повседневного опыта некоторые особенности существуют в интерпретации точек отсчета молодости. Так, специфика условий самой территории проживания с учетом временных особенностей сказываются на спектре возможных выборов человека. Но, конечно, учесть все условия достаточно сложно, наверное, и невозможно. Главное для автора — увидеть конструкты, а не обозначить причинно-следственные связи.

Можно выделить точки отсчета и конструкты советской молодости, представленные в текстах информантов всех возрастных групп, и точки отсчета и конструкты, характерные для информантов определенных поколений молодых, что отражает «дух» соответствующего советского времени. Так, конструкты «отсутствующей», «усеченной» молодости, связанные с низким качеством жизни, встречаем в основном у информантов более старших возрастных групп, чья молодость пришлась на военные и послевоенные годы. Хотя, конечно, и среди этой категории информантов редко, но встречался конструкт «разгульной жизни», конструкт «продолженной» молодости, однако последний связывался скорее не с повседневными практиками, а с «состоянием души». Молодость как «sex, drugs, rock and roll», как «развиздйство», «продолженную» молодость, встречаем чаще всего у более молодых по возрасту информантов, что скорее ближе к современным реалиям жизни. Это те информанты, чья молодость пришлась на 80-е годы, которые вспоминают безалкогольные свадьбы, разбавленное пиво и очереди за ним, оставшиеся с прежних времен, как маркеры той эпохи. Конструкт молодости как «золотого времени» характерен для тех опрошенных, чья молодость пришлась на 60–70-е годы «застоя», которые многие информанты считают годами «стабильности», «защищенности» и «уверенности в будущем», несмотря на низкий в целом уровень жизни, также обозначенный в текстах интервью: это и карточная продуктовая система начала 60-х годов, и дефицит алкоголя, хороших вещей и обуви, да и в целом небольшой ассортимент и низкое качество продукции в магазинах (например, в этом контексте упоминаются сигареты «Дымок»). Конечно, молодость — это для многих людей «золотое время», даже если она пришлась на трудные и тяжелые для страны годы войны. Однако в конструкте молодости как «золотого времени» важно то, что идеализируется не только собственная молодость, но и то время 60–70-х, на которое она пришлась. Характеристика эпохи через конструкты, конечно, достаточно условна и схематична, но она позволяет «схватить» некий дух времени, уловить изменчивость жестких социальных структур общества.

Выявленные точки и конструкты представлены в текстах интервью именно данных информантов, которые смог увидеть исследователь. Причем исследователь, имеющий хотя и небольшой, но свой опыт проживания в Советском Союзе, что накладывает отпечаток на понимание конструктов советской молодости. Выделенные точки отсчета и конструкты не претендуют на всеобщность, объективность и универсальность. Но все же они существовали (и/или продолжают существовать) и на какой-то момент опреде-

ляли (а возможно, и продолжают это делать и сегодня) жизнь многих молодых людей, живущих в советском (а возможно, уже и в современном российском) обществе.

Библиографический список

1. Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
3. Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: ИС РАН, 2000.
4. Гидденс Э. Устроение общества. М.: Академический Проект, 2005.

References

1. Omelchenko E.L. Youth: open-ended question. Ulyanovsk, Simbirskaya kniga, 2004. [in Russian]
2. Berger P.L., Luckmann T. Social construction of reality. M., Medium, 1995, 323 p. [in Russian]
3. Ilyin V. Social inequality. M., IS RAN, 2000. [in Russian]
4. Giddens E. Constitution of society. M., Akademicheskii Proekt, 2005. [in Russian]

*S. Yu. Mitrofanova**

«YOUTH IS A WREATH OF WILDFLOWERS ON THE HEAD»: REFERENCE POINTS AND CONSTRUCTS OF SOVIET YOUTH

In this article the issue of the construction of youth by the informants from different generations in the Soviet society is viewed, reference points and constructs of Soviet youth are determined on the basis of analysis of texts of biographical interviews. As methodological basis of this work we used constructivist direction by P. Berger and T. Luckmann, as well as ideas of social time by A. Giddens and V. Ilyin that allow to define the mechanism of construction of youth in terms of its points of reference. Brightly expressed in the texts of interviews such reference points as the awareness of responsibility and independence, family creation, death of a relative, beginning of working career and first independent earnings, relocations. As reference points of youth was called also the acquisition of a kitchen garden, getting category, significant dates for the informant. Reference points which are the «elixir» of youth are identified. Contraction or expansion of borders of youth on the «points» displays on certain constructions of youth. Constructs of «missing», «limited», «continuing», «returning» youth, youth as a period of «solution», as the «Golden time», as an activity in sport, pioneers, Komsomol, building brigades, and however, youth as «razvizdyastvo», as «sex, drugs, rock and roll» were allocated.

Key words: youth, reference points, constructs of youth.

* *Mitrofanova Svetlana Yurievna* (mit_s@mail.ru), Department of Sociology and Political Science, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.